

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.12>

Хрусталева Анна Владимировна

ИЗ ИСТОРИИ САРАТОВСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ЦЕНЗУРЫ В СФЕРЕ ЛИТЕРАТУРЫ: НОВОЕ О Е. Б. ШУЛЬМАНЕ

На основе материалов Государственного архива Саратовской области (ГАСО) и Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) восстановлены основные биографические данные первого саратовского губернского цензора, которые могут быть использованы при дальнейшем изучении вопросов губернской цензуры периода новой экономической политики. Приведена необходимая информация, свидетельствующая о ретардации провинциальной культурной жизни по отношению к центру. Показано на архивных данных, что в отдельных населенных пунктах Саратовской губернии работа цензора фактически осуществлялась только с середины 1920-х годов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 2. С. 275-278. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 23.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.12>

На основе материалов Государственного архива Саратовской области (ГАСО) и Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) восстановлены основные биографические данные первого саратовского губернского цензора, которые могут быть использованы при дальнейшем изучении вопросов губернской цензуры периода новой экономической политики. Приведена необходимая информация, свидетельствующая о ретардации провинциальной культурной жизни по отношению к центру. Показано на архивных данных, что в отдельных населенных пунктах Саратовской губернии работа цензора фактически осуществлялась только с середины 1920-х годов.

Ключевые слова и фразы: Е. Б. Шульман; губернская цензура эпохи нэпа; роль профсоюзов в литературном процессе; литературная жизнь периода нэпа; политика партии в области художественной литературы.

Хрусталева Анна Владимировна, к. филол. н.

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
tevlin1982@mail.ru*

ИЗ ИСТОРИИ САРАТОВСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ЦЕНЗУРЫ В СФЕРЕ ЛИТЕРАТУРЫ: НОВОЕ О Е. Б. ШУЛЬМАНЕ

В настоящее время в науке сложился ряд устойчивых положений, касающихся цензуры в художественной литературе первых советских лет. Вряд ли подлежит пересмотру принятый в науке тезис о том, что в период нэпа власть занималась литературой эпизодически, от случая к случаю, предпочитая большую часть времени уделять политическим пунктам повестки дня. Мысль о спорадичности партийного контроля в художественной сфере, о случайности некоторых решений первых советских лет повторена многократно в разных трудах [1; 3; 10]. Считается, что определенная последовательность характеризовала партийный контроль только с конца 1920-х годов.

В этом отношении нельзя игнорировать центробежную силу литературной жизни. Удаленные от столицы города по ряду причин несколько отставали во многих общественно-политических процессах. Известная история запрета произведения Пильняка, произошедшая в центре, не является проекцией системы взаимодействия с авторами художественных книг на всей территории РСФСР. Исследователями отмечено, что в провинции указания партии по контролю в области художественного слова реализовывались значительно хаотичнее, чем в столице, более того, иногда они своеобразно истолковывались [3].

В центре последовавшее за декретом о печати 1917 года закрытие журналов вызвало у интеллигенции ощущение идеологического «кудушья», а многие уездные населенные пункты благополучно миновали критическую точку зарождения новой цензуры, не склоняясь к обширной рефлексии, так как не имели развитого книгопечатного и издательского дела.

В настоящей статье мы дополнительно продемонстрируем, в силу каких факторов в Саратове сложилась такая ситуация, при которой цензура в области художественной литературы до конца нэпа проводилась в жизнь не всегда последовательно и довольно хаотично.

Первая причина, объясняющая специфическое отставание провинциального города от столичного ритма, – кадровый голод и человеческий фактор. У новой власти не было компетентных сотрудников в таком количестве, которое могло бы создать критическую массу. В 1919 году, например, отдел народного образования в Саратове возглавлял беспартийный. В правлении профсоюза работников искусств в 1920 году было трое беспартийных, отвечавших за финансовый, культурно-просветительный и тарифно-нормировочный отдел [15, д. 2, л. 12]. Кадровый дефицит в сфере кино вскользь упоминает И. М. Колозина [5].

До 1921 года литературная политика в городе носит абсолютно случайно-необязательный характер. Так, Художественный подотдел при губернском отделе народного образования не ставит перед собой амбициозных задач: «Функции аппарата вовсе не заключаются в руководстве художественным делом города или губернии» [2, ед. хр. 34].

Для одномоментного учреждения цензуры не было не только достаточного количества кадров, но и средств. Первостепенной задачей власти стала ликвидация неграмотности, во многих культурных сферах работал принцип «все самокупаемое, если не против партии».

Следует иметь в виду, что самый серьезный фронт культурной работы разворачивался со значительной опорой на местные средства. Например, в 1928 году союз сельхозкооперации по производству, переработке и сбыту продукции животноводства выделил из плановой прибыли в 85 тысяч рублей 12 тысяч 730 рублей в так называемый «культфонд» и 1900 рублей конкретно и адресно на ликвидацию неграмотности [12, д. 3, л. 19]. Понятно, что раз такая серьезная задача велась с привлечением местных средств и местными кадрами, то конкретная реализация методик обучения не могла каждодневно жестко соответствовать московской инструкции.

Если на работу принимаются «старые» кадры, даже при выполнении ряда требований и плана, введенного для обучающихся, физически невозможно отследить, какой объем информации применяет при обучении конкретный педагог или агитатор, насколько такая культурная работа приемлема для пролетариата. Известно, что в 1919 году образовательные лекции для сотрудников Рязано-Уральской железной дороги вел бывший

товарищ царского прокурора [11, д. 10] (замечание касается Л. А. Словохотова. – А. Х.), он же продолжал их в Саратове на другой образовательной площадке и в 1929 году [6, ед. хр. 1627]. Привлечение региональных средств становилось очевидной «брешью» и для цензуры в области книгоиздания (пусть и немногочисленного), так как существовали и частные издательства.

Кроме того, цензор того времени для выполнения профессиональных задач должен был иметь определенную политическую подготовку. Уровень политической грамотности уездного населения в целом был удручающе низким. Так, по результатам обследования Петровского уезда 85% членов партии были политически неграмотны даже в 1925 году [7, д. 933, л. 8]. В качестве оптимального решения для такой проблемы наиболее часто применялась «переброска» сотрудника из губернского центра или другого региона, а это требовало от него дополнительной подготовки к новой работе, что затягивало процесс.

Отвлекаясь от вопросов печатного слова, подчеркнем, что весомое количество работников различных профсоюзов и иных организаций, спонсировавших культуру в той или иной форме, представляли бывших (а иногда и настоящих) политических оппонентов новой власти. Они сохраняли свои рабочие места в силу наличия специфического профессионального опыта, дефицитного в среде новых сотрудников. В архивном документе приводятся сведения, что в 1926 году на протяжении 600 километров водных путей в аппарате судонадзора был только один член ВКП(б) [13, д. 14, л. 256].

Тот же кадровый голод ярко проявлялся и в агитационно-пропагандистском отделе (АПО), который должен был ведать вопросами контроля над культурой. В отдельных уездах складывалась такая ситуация, что сотрудник АПО в едином лице совмещал столько обязанностей, что физически не успевал контролировать ни литературную, ни какую-либо культурную жизнь.

Так произошло, например, в уже упомянутом Петровском уезде: «Работа по цензуре в уезде начата только в конце 1924 года, и весь 1924-1925 год носит большей частью организационный характер» [7, д. 327, л. 25].

Только в крупных городах в 1920-е годы могла накопиться критическая масса партийных сотрудников, способных осознанно проводить в жизнь политику центра в области культуры и художественной литературы. Да и даже там процесс роста этой массы шел постепенно. «Диктатура» партии нередко превращалась в провинции в кумовство, чванство и обычное самодурство. Так, в саратовских документах находим: «Методическая подготовка апоргов весьма недостаточная...» [8, д. 740, л. 29] и «...партийное руководство ячейками ВКП(б) работой уголков было недостаточное и участие членов ВКП(б) слабое... работа ведется без плана...» [Там же]. Так, известно, что Шульман, о котором скажем позднее, отправил в Главрепертком пьесу Левина «Чайный цветок», минуя какое-либо согласование с партийными органами [9, д. 737, л. 7].

Даже в 1926 году в Саратове, когда, казалось бы, самые трудные времена были уже позади, Совпартиздат (позднее – Приволжское книжное издательство) демонстрировал ежемесячный убыток в 36 тысяч рублей. Постоянные волнения печатников и их открытое недовольство сокращением рабочего дня и увольнениями убедительно показывают, что книгоиздание и средства массовой информации в городе имели ряд серьезных проблем, и потому в то время актуальнее было не «задушить» чье-то слово, а найти деньги для печати.

Фонды профсоюза печатников свидетельствуют, что работники этой сферы представляли наиболее опасный очаг недовольства советской властью. Весь 1926 год был отмечен постоянно падавшими тиражами газет и выступлениями недовольных с этим.

Посмотрим на конкретные цифры 1926 года. В марте указанного года в Саратове работают 83 апорга, призванные обследовать работу клубов и красных уголков. Всего в губернии 66 рабочих клубов. Казалось бы, внушительное число партийных работников, ясная и понятная задача. Но по сохранившимся документам видно, что значительная часть сотрудников сталкивается с агитационной, пропагандистской и цензурной работой впервые. В I районе Саратова апорги пришли «от станка» и состоят в партии преимущественно с 1924 года, «опытными» можно назвать только сотрудников II района (ныне центр города и часть территории Октябрьского района) [8, д. 322, л. 2].

Таким образом, сформулируем мысль ясно – цензура как явление существовала, но опыт, профессиональные качества и численность контролировавших ее проведение сотрудников оставляли желать лучшего, в силу чего эта область деятельности была инертна и сопряжена с огромным количеством бюрократии, произвола и самодельности.

Нужно учитывать и еще одно. Четкого представления о том, как следует относиться к классической литературе, не существовало вплоть до середины 1920-х годов. К 1925 году были созданы комплексные программы для учебных заведений, подготовленные на основе рекомендаций научно-педагогической секции Государственного ученого совета (ГУС) при участии Н. К. Крупской, в которых литература прекращала быть самостоятельным предметом. Творчество русских писателей рассматривалось только в качестве иллюстрации к обществоведению. Этим был продиктован разброд в оценке определенных авторов. Даже грамотный саратовский апорг далеко не всегда мог определить степень полезности художественного произведения для читателя с точки зрения партии, так как вплоть до выработки метода соцреализма существовало несколько концепций этой полезности.

Необходимо понимать, в чем состояла суть партийного контроля в области массовых мероприятий (где находили себе место и литературные встречи). АПО давал инструкцию о том, сколько мероприятий должно быть проведено, на некоторые из них назначался докладчик, работающий в самом отделе.

Например, в ознаменование 100-летия со дня рождения Л. Н. Толстого по клубам, библиотекам и школам надлежало провести работу по социально-критическому разбору творчества Толстого. Весь алгоритм того,

как следовало организовать мероприятия, давался в готовом виде. Так, разбирать Толстого следовало по статьям Г. В. Плеханова и В. И. Ленина. Лектору необходимо было подчеркнуть на мероприятии, что учение о непротивлении злу насилием противоречит идеологии пролетариата.

Но *de facto* весь этот готовый механизм проведения юбилея проконтролировать в конкретном исполнении можно было только в Саратове и еще нескольких более-менее крупных населенных пунктах. По мере приближения к периферии контроль значительно ослабевал в силу уже изложенной причины нехватки кадров.

Кроме того, ни партийный стаж, ни занимаемая должность не давали гарантию высокого качества проведения мероприятия. Партийные работники часто вынуждены были заниматься тем, в области чего не имели профессиональных знаний. Так, о работнике АПО Шумуртове известно, что на лекциях по истории партии он демонстрировал наган и рассказывал о его превосходстве перед другими видами оружия, игнорировал вопросы аудитории, обрывал спрашивающих, обвиняя их в правом или левом уклоне. В результате всего этого обучающиеся написали письмо в газету с просьбой заменить им лектора [4]. Приблизительно то же иногда имело место и на литературных встречах.

Ознакомившись с фактами из жизни и деятельности первого саратовского цензора, обнаружим, что он не имел не только профильного образования, но и вообще внятного представления о литературе как области человеческой деятельности.

Рабочий вариант биографии цензора Ефима Борисовича Шульмана [14, д. 337], составленный и постоянно дополняемый автором статьи, представляет собой следующее. Родился в Полоцке Витебской губернии в 1899 году. Был сыном служащего, имел опыт работы делопроизводителем и репетитором. Отец умер в 1918 году, предположительно Ефим Борисович имел среди родственников еще и брата Арона, судимого в 1930-х годах.

В Саратов Шульман переехал в 1916 году, обучался в реальном училище. В 1919 году Шульман был принят в партию. С 1920 по 1921 год он являлся помощником комиссара, с 1922 по 1923-й – комиссаром 27-й стрелковой дивизии РККА.

С 1923 по 1925 год Шульман заведовал Саратовским Губполитпросветом. В этот период его обязанностями были предварительный просмотр, учет и утверждение всей губернской печатной продукции, а также драматических, концертных и литературных постановок. Кстати, Губполитпросвет представлял собой относительно небольшую структуру, включая в 1923 году три ответственных лица – самого цензора, его заместителя по ликвидации неграмотности и заведующего клубно-библиотечным отделением.

Шульман был своеобразным цензором. Он систематически неправильно употреблял слова, мог писать, например, «проза», имея в виду «либретто». Мало того, он допускал орфографические ошибки. Чувствуется, что при назначении на должность сыграл роль его военный опыт, а не какие-либо заслуги в области искусства. Основной целью контроля над литературой было искоренение контрреволюционных настроений, предполагалось, что литературовед-эстет не справится, и только комиссар наведет нужный порядок в культуре.

Цензорский период Шульмана был довольно коротким. С 1925 по 1926 год он – заведующий Агитационно-пропагандистским отделом ВКП(б) в Петровске. В то время как Губполитпросвету полагалось заниматься ликвидацией неграмотности, агитационно-пропагандистский отдел имел значительно более важную и неотъемлемую функцию контроля за просвещением партийцев. Именно АПО, опираясь, разумеется, на директивы Москвы, давал инструкции о том, в каком направлении должны были развиваться цензура, агитация и пропаганда.

Посмотрим на конкретный образец цензуры, осуществленной, правда, не Шульманом, а другим сотрудником. Сохранился документ – жалоба в газету работника пятой школы для взрослых. Суть дела состояла в следующем: коллектив педагогов и обучающихся готовил вечер «смычки» города и деревни, на котором предполагалось декламировать стихи Н. А. Некрасова. После трех недель упорных репетиций пришлось прекратить работу, вечер был сорван, так как из компетентных органов пришла резолюция заменить Некрасова на современных поэтов.

Разумеется, здесь налицо только бюрократическая отписка. Никакой опасности творчество Некрасова в себе не таило, а современные поэты могли и уступать в качестве письма столь серьезному автору. Но здесь уже вступало в силу самоутверждение чиновника.

С 1926 по 1927 год Шульман снова возвращается в Саратов и возглавляет Художественный трест. Вчерашний цензор теперь должен был показать себя грамотным управленцем, так как руководство трестом предполагало решение хозяйственных вопросов нескольких театров Саратова. Здесь необходимо сказать об интересной особенности отношения к культуре в двадцатые годы, которая уже была затронута в статье.

Профсоюзы оказались на деле не только школой коммунизма, но и его прямым «спонсором». Сборы на очень многие проекты и начинания, включая ликвидацию неграмотности, шли из фондов профсоюзов и кооперации. Показательно, что самоидентификация поэтов и писателей на страницах саратовских газет шла по принадлежности к конкретному профсоюзу. Так, авторы подписывали свои стихи не «Зотов» или «Иванова», а «водник (работник водного транспорта) Зотов» или «швея Иванова».

В 1927 году профсоюз работников водного транспорта, например, содержал за свой счет несколько школ, детский сад, больницу, детский дом, клуб для работников со множеством кружков. Своими силами профсоюз выделил 64 000 рублей на постройку нового клуба [13, д. 14, л. 414]. Для оценки значимости суммы следует знать, что стоимость килограмма мяса в различных торговых местах Саратова в указанный период не превышала один рубль.

Когда то или иное печатное издание или объект культурной сферы оказывались убыточными, «на буксир» их брал именно профсоюз или кооперативный хозорган. Так, союз сельхозкооперации по производству,

переработке и сбыту продукции животноводства «разверстали» (в архивном документе употребляется именно это слово) и в поддержку убыточного журнала «Нижневолжский колхозник», и в пользу деревенского театра.

В таких условиях, когда профсоюз и кооператив брали на себя очень много поставленных партией задач, а решали их собственной кровью, в тех организациях, где были достаточные денежные средства, возникали самовольные настроения, стремление продвигать свои собственные культурные потребности. Именно это случилось и с Шульманом, когда он пробовал себя в качестве руководителя культурно-массового учреждения. Так, архивные материалы изобилуют упоминаниями об отправке им пьес на утверждение в Москву, при которой саратовские партийные органы в известность не ставились.

Таким образом, представление о цензуре периода 1920-х годов не будет полным, если мы не будем принимать во внимание огромную роль частной инициативы, личные амбиции должностных лиц, их стремление придать важность и вес собственному слову. Но еще важнее этого – инертность человеческой массы и фактор удаленности от центра. Мы только что видели, что государством предоставлялась готовая инструкция о том, как надо говорить и писать. Но явно мы понимаем и то, что проследить за конкретным выполнением этой инструкции можно было не везде. В центре Саратова нарушение ее было на виду для грамотного апорга, в деревне же границы дозволенного значительно расширились.

На примере саратовской губернской цензуры ясно, что ужесточение контроля было постепенным и поступенным. Кадровый дефицит и инерция человеческого материала значительно ослабляли возможные размеры «патронажа» в деле культуры.

Первым серьезным шагом к «цементированию» цензуры в области художественного слова в государственных масштабах представляется изменение порядка регистрации обществ, согласно которому с 1928 года любое общество подавало информацию о своих членах в НКВД. Именно с 1928 года число «бывших товарищей прокурора» среди советских лекторов и просветителей стало стремительно сокращаться, и постепенно сложился уже подлинно тотальный контроль над художественным словом.

Список источников

1. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-847. Оп. 1.
3. Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / под ред. Е. Г. Елиной, Л. Е. Герасимовой, Е. Г. Трубецкой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. 428 с.
4. Икс. [Автор не установлен] «Лекции» Шумуртова // Поволжская правда. 1928. 21 декабря.
5. Колозина И. М. Становление нового социокультурного пространства Саратова в 1917-1920-х годах // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 198-201.
6. Наблюдательное производство № 130177 по обвинению Словохотова Л. А. // ГАСО. Прокуратура Саратовской области. Ф. Р-2374. Оп. 14.
7. Петровский уком ВКП(б). Агитационно-пропагандистский отдел // Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 88. Оп. 1.
8. Саратовский губком ВКП(б). Агитационно-пропагандистский отдел. Планы работы и отчеты о работе отдела // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4.
9. Саратовский губком ВКП(б). Протоколы, выводы по обследованию клубов // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4.
10. «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925-1938 гг.: документы / сост. Д. Л. Бабиченко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 328 с.
11. Управление Рязано-Уральской железной дороги // ГАНИСО. Ф. 5319. Оп. 1.
12. Фонд фракции ВКП(б) Нижневолжского краевого союза сельхозкооперации по производству, переработке и сбыту продукции животноводства. Протоколы общих собраний // ГАНИСО. Ф. 754. Оп. 1.
13. Фонд фракции Саратовского районного комитета работников водного транспорта // ГАНИСО. Ф. 319. Оп. 1.
14. Шульман Ефим Борисович // ГАНИСО. Ф. 27. Саратовский губком ВКП(б). Оп. 5.
15. Ячейка ВКП(б) союза РАБИС. Протоколы общих собраний // ГАНИСО. Ф. 572. Оп. 1.

FROM THE HISTORY OF SARATOV PARTY CENSORSHIP IN LITERATURE FIELD: NEW FACTS ABOUT E. B. SHULMAN

Khrustaleva Anna Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Saratov State University
tevlin1982@mail.ru

Basing on the materials of the State Archives of Saratov Region and the State Archives of Modern History of Saratov Region, the article restores the basic biographical data of the first Saratov provincial censor, which can be used for the further study of the issues of provincial censorship during the new economic policy. The necessary information is provided, indicating the retardation of provincial cultural life in relation to the center. On the basis of the archival data, the author shows that in some settlements of Saratov province the work of the censor was actually carried out only from the mid-1920s.

Key words and phrases: E. B. Shulman; provincial censorship during the NEP; trade unions role in literary process; literary life of the NEP period; party policy in the field of literature.